

О дворовом детстве, сносе храма Христа Спасителя, смерти отца и вступлении в партию

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1477>

30 октября 2012

Собеседник

Лубны-Герцык Елена Александровна

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 30 октября 2012 и опубликована 30 мая 2014.

Введение

Вторая беседа с биологом Еленой Александровной Лубны-Герцык, как и первая, начинается с рассказа о ее родословной, однако это не повтор: Елена Александровна значительно подробнее вспоминает свою семью и родственников, дворовое босоное детство в переулках Арбата, учебу в гимназии Шаховских.

Предоставленная самой себе задолго до того, как полностью осиротела, она часто была вынуждена противостоять обстоятельствам, что ее — женщину исключительно сильной воли и характера — только сделало тверже, настойчивее и принципиальнее.

Дмитрий Борисович Споров: Очень вас прошу начать рассказ со своего родословия. У вас семья удивительно интересная. Сейчас редко кого можно встретить с такой длинной, долгой историей, поэтому расскажите, кто были ваши предки, откуда и когда они приехали.

Елена Александровна Лубны-Герцык: Бабушка (Еремеева по происхождению) кончила высшие женские курсы в Санкт-Петербурге и занималась хозяйством и воспитанием детей. Мой отец Александр окончил Псковскую гимназию и поступил в Политехнический институт в Петербурге. Окончив Политехнический институт, он получил специальность металлурга. В 14-м году он женился и, поскольку жена была москвичкой и хорошие условия были, квартира, он приехал в Москву, остался в Москве, и уже в 15-м году родилась моя сестра. Революция вынудила деда покинуть страну. Имение было разорено, дом сгорел.

Д.С.: Знаете ли вы из рассказов отца что-нибудь о решении его родителей уезжать или что делать в той ситуации?

Е.Л-Г.: Я знаю только то, что выехать им было достаточно просто, потому что дед сохранял голландское подданство. В то время еще не сильно беспокоились о людях с иностранным подданством, таких было много. И дед с семьей через Финляндию переехал в Голландию, достаточно благополучно, осели там, сначала в Амстердаме, потом в Апельдорне. Отец продолжал с ними переписку до 27-го года, письма сохранились. Он описывал им свою жизнь, был очень доволен. Родители умерли в Голландии, бабушка — в 28-м году, а дедушка — в 34-м.

Профессиональная деятельность отца

Отец продолжал жить в Москве, но вынашивал мечту вернуться в любимый Питер, где у него остались еще родственники. Эта мечта так и не осуществилась: он остался в Москве и стал крупным специалистом в металлургии. Он работал в ВСНХ (Высший совет народного хозяйства). Он был членом ВСНХ, коллегии, получал большие назначения и возглавил трест «Алтай-золото».

Д.С.: То есть отец абсолютно встроился в новую советскую систему.



Лена Вандербеллен. 1929

Е.Л-Г.: Он встроился, он принял, он защищал интересы России: когда нужно было решать вопрос, отдавать ли американцам концессию на Алтае, он протестовал против этого, хотя, зная язык, мог легко вести переговоры с иностранцами. В общем, он был очень активный деятель. И о нем пишет журнал «Цветная металлургия», который у меня есть, что он стоял у истоков развития металлургии в СССР. У него есть достаточно крупные публикации о состоянии металлургии рудников, сообщения о разведке новых месторождений, о перспективах использования ресурсов страны.

Но я до сих пор задаю себе вопрос: каким образом получилось, что мой отец, имея дворянское происхождение, иностранную фамилию, а главное, будучи очень принципиальным и честным человеком, так долго держался на плаву? В его окружении уже многие были арестованы, и он считал возможным помогать семьям своих друзей. Он выступил на коллегии, на заседании, где присутствовал Сталин, с требованием объяснить, почему его сотрудники оказываются в таком положении, что это люди, с которыми он привык работать. Ему на это сказали: «А мы вам предлагаем других сотрудников. А если вам это не нравится, мы вам можем предложить покинуть пост». Таким образом он был отстранен полностью от промышленности, но он был уже профессором Горного института.

Д.С.: А какую он в то время занимал должность?

Е.Л-Г.: Он занимал должность во главе кафедры цветной металлургии. Мало того, в это время организовывался в Москве институт «Цветметзолото», и он принимал участие в организации этого института. Он долго сохранялся, но на сегодняшний момент, я узнавала, уже нет этого института. Он был

во время войны перемещен в Красноярск, и там есть свидетельства, что профессор Вандербеллен принимал горячее участие в становлении Института цветной металлургии в Красноярске. Следы его деятельности подтверждены многими документами, у меня есть много публикаций, сохранилось. Это был человек, который был очень увлечен своей работой. К сожалению, здоровье было расшатано, много было неприятностей в семье: умерла старшая дочь, потом сестра. В итоге он оказался прикованным к дому, практически в лежачем положении. Но интерес к работе он сохранил и был вечно завален бумагами, к нему приходили люди, в прошлом его коллеги, и не смотря на то что он не имел должности, кроме профессорской, он продолжал работать до конца своих дней. Годы были тяжелые — 44-й год. Он имел иждивенческую карточку, у меня была рабочая. Мы с ним жили вдвоем, перебивались. Он захотел обязательно заниматься чем-то активным, говорил, что не может бездеятельно жить. А тут было распоряжение по домоуправлению Москвы, что можно получить участок земли и два килограмма картошки в мае месяце для посадки. Он очень загорелся этой идеей и решил тоже взять участок и сажать картошку. Это был абсолютно безумный поступок. Я и его жена, мы активно протестовали, но из-за его твердого характера, которым он всегда обладал, мы не смогли его уговорить. Я поехала с ним на этот участок под Нахабино, под Москвой. У отца тромбоз, кость. Участок мы не нашли, картошку не посадили, измученные вернулись на площадь у Рижского вокзала. Было очень много людей, все ждали транспорта. Троллейбус № 2 должен был доставить нас на Смоленскую площадь. Его как инвалида удалось посадить с передней площадки в переполненный троллейбус. Мне удалось поехать только в следующем троллейбусе, час примерно до Смоленской площади. Когда приехала, я была уверена, что отец дома. Его не оказалось. Но я проходила мимо дверей на лестницу из квартиры и слышала его голос. Дело в том, что в квартире напротив жил прекрасный человек, юрист, он с ним поддерживал тесные отношения и всегда следил за военными действиями. Отец абсолютно был уверен, что Москву никогда немцам не сдадут. Об этом он говорил всегда, когда у него спрашивали. Я слышала разговор, и когда его жена по телефону спросила: «Вы вернулись?» — я уверенно сказала: «Да, все в порядке. Но он, видимо, задержался за разговорами с Дмитрием Сергеевичем».



Проходит время, я открываю дверь — милиционер с документами о том, что мой отец скончался в троллейбусе от обширного инфаркта, никто даже не заметил, только на конечной станции.

Он ушел из жизни в 53 года. Похоронили мы его на Донском кладбище, сделали хорошую очень могилу. Воспоминания об отце у меня остались как об очень сильном, преданном России деловом человеке. Я ему очень благодарна, он меня всегда поддерживал в трудные минуты. Достаточно сказать, что в 39-м году я окончила школу, мне надо было выбирать, куда идти дальше учиться. Мне было 17 лет. Я любила цветы, любила сельское хозяйство. Видимо, это было наследственное желание: отец тоже очень любил природу. Я решила идти в Тимирязевскую академию на цветоводство. Он меня выслушал и сказал: «Подумай. Есть еще время, ты подумай. Я тебе советую поступить в университет. Университет дает классическое высшее образование, а дальше ты будешь заниматься цветоводством». Я послушалась его, за что ему очень благодарна, и оказалась с такой профессией и с такими интересами, что считаю свою жизнь очень счастливой, и благодарна отцу за поддержку.

О маме и ее родственницах

Д.С.: Расскажите о маме. Расскажите, как они жили в Москве, если знаете.

Е.Л-Г.: Я все хорошо знаю. Моя мама Елена Эдуардовна Тидебель родилась во Владимире, а родственники все жили в Москве. Брак ее родителей оказался неудачным: они разошлись после рождения моей матери и ее брата Макса. Отец матери Эдуард уехал.

Д.С.: Из России?

Е.Л-Г.: Неизвестно, куда он уехал, но он очень просил своих сестер, родных сестер, Елену Максимилиановну, взять на воспитание свою дочь Елену, и семи лет моя мама оказалась в Москве на воспитании у тетушек (там еще была вторая тетушка). И получилось так, что ее очень-очень полюбили. Она была счастливой девочкой, получила хорошее образование, стала пианисткой, была очень веселого нрава. Елена Максимилиановна, которая ее воспитывала, родная тетушка, называла ее не племянницей, а «духовной внучкой». И так же ее стал называть композитор и дирижер Сафонов. В его письмах он все время передает привет «своей духовной внучке», причем он был с ней знаком, когда тетушка возила с собой мою маму по Германии: он там с ней встречался, он ее хорошо знал. Я очень благодарна прежде всего Елене Максимилиановне за то, что моя мама жила в таких хороших условиях, в любви и внимании. Потом был счастливый брак с моим отцом: они венчались в церкви на Арбате. В общем, все складывалось хорошо.

Д.С.: А чем занимался Эдуард Тидебель, известно?

Е.Л-Г.: Он был инженер.

Д.С.: Путеец?

Е.Л-Г.: Нет. Не знаю.

Д.С.: А когда скончалась Елена Максимилиановна?

Е.Л-Г.: Она скончалась в 1928 году.

Д.С.: Вы ее немножко помните?

Е.Л-Г.: Я ее помню даже не немножко!

Д.С.: Расскажите, пожалуйста, это очень интересно.

Е.Л-Г.: Елена Максимилиановна была очень строгий, серьезный и образованный человек. Она владела несколькими языками и занималась музыкальной критикой. Она была, пожалуй, единственным (так считалось) музыкальным критиком-женщиной в России. Но поскольку она интересовалась композиторами за границей, которые были русскими, и писала о них много, я познакомилась с архивом Музея Глинки. Там есть пространный отзыв Елены Максимилиановны о музыке Скрябина.

Д.С.: Вы больше свои впечатления: как вы ее помните?

Е.Л-Г.: Я помню, как она всегда была занята: или за письменным столом или за роялем. И вот этот прекрасный рояль «Стейнвей» стоял в большой комнате, желтого светлого цвета...

Д.С.: Необычного.

Е.Л-Г.: Я знаю, что он был заказной, привезен из Германии. Клавиши у него были тоже желтого цвета, слоновой кости. Я помню, некоторые клавиши были обломлены.

 Тетушка музицировала, и мне запомнилось, что под роялем желтым лежал наш замечательный пес — ирландский сеттер, тоже желтый.

Это было его любимое место. А над роялем висел портрет Бетховена. У меня есть эта фотография, и я помню таким образом бабушку. Еще она принимала участие в наших праздниках. У нас были замечательные елки: огромная елка, под потолок, со свечами.

Д.С.: Это устраивала Елена Максимилиановна или ваша мама?



Лена Вандербеллен. 1933

Е.Л-Г.: Это все Елена Максимилиановна устраивала и мой отец. Отец был очень хорошим отцом нам с сестрой. Устраивали елку, было много игрушек, много танцев и музыки, и очень много было детей. Дети были не только из детского сада, но и просто со двора. Мы были очень дружны с ребятами со двора и много проводили времени во дворе. Это все Арбат 55/32. Это яркие воспоминания: музыка, рояль и эти добрые хорошие тетушки. Кроме Елены Максимилиановны в той же квартире жила ее сестра — Адель Максимилиановна. У них в семье было шесть детей, из них два брата.

Д.С.: А чем занималась вторая тетушка?

Е.Л-Г.: Адель Максимилиановна знала иностранные языки и преподавала частным образом, к ней приходили ученики. У нас была пятикомнатная квартира в арендном доме, что давало возможность частных уроков. Жили достаточно обеспеченно.

Д.С.: Вас потом уплотняли, наверное.

Е.Л-Г.: Это было много позже, было особое время.

Д.С.: Расскажите, какое образование получила ваша мама и как протекала ее жизнь до встречи с папой?

Е.Л-Г.: Мне известно только то, что она жила с тетушками, в любви и во внимании, и стала пианисткой.

Д.С.: Профессиональной пианисткой?

Е.Л-Г.: Нет, она не стала профессиональной пианисткой, потому что умерла в 21-м году при моем рождении. И это было большое горе для всех. И, так сказать, я им не принесла никакой радости, только горе.

Д.С.: Она ведь совсем молоденькой была. Какого она года рождения?

Е.Л-Г.: Нет, она не была молоденькой: ей было уже 34 года.

Д.С.: Вы третий ребенок или второй?

Е.Л-Г.: Второй. У меня сестра Таня и я. Так что жизнь, конечно, круто изменилась в семье, мы лишились энергичной хозяйки, мамы. Я хорошо помню о маме от няни. У нас была няня Дуняша, которая жила в семье очень давно, и, к счастью, она жила и со мной и нянчила меня после того, как не стало мамы, и очень много мне рассказывала: эпизоды из ее жизни, какая она была веселая, как она придумывала всякие интересные сценки. Например, она как-то исчезла из квартиры, а в дверь постучалась старая женщина в платке с мешком картошки на плечах и перепугала страшно тетюшек. Она тогда очень обрадовалась, что произвела на них впечатление, разделась и долго смеялась. Или она начинала переставлять мебель в квартире, хотя в этом не было необходимости. Она просто была очень живым, интересным, музыкально образованным человеком. У меня воспоминание о маме осталось очень теплое. Я просто это сама чувствовала потом от тетюшек, еще и няня мне рассказывала. Я всегда ее представляла очень красивой. К счастью, сохранились хорошие фотографии. Совершенно неожиданно поучилось так, что ее первым женихом был Лубны-Герцык, и он сделал фотографии на стекле. Они у меня сохранились, я их вам потом покажу. Это искусство! Это необыкновенно! Это был год 13-й – 15-й, самые последние годы. Сделал эту фотографию мой сын, потому что он работал на «Мосфильме», где возможности были. А в мастерских мне везде отказывали, не хотели братья.

Д.С.: То есть у вас двойное пересечение с Лубны-Герцык?

Е.Л-Г.: Да, Константин Лубны-Герцык был первым женихом. Он ходил в дом, и он был москвич, у него здесь родители были. Так получилось, что опять соединились две семьи. Поскольку Лубны-Герцык проявили себя в разных направлениях, о них написано многое, и я не касаюсь в своих воспоминаниях тех далеких лет, к которым относится Константин, когда он ухаживал за моей мамой. Потому что у меня получился свой брак с Лубны-Герцык: я вышла замуж за сына Константина. Это было два друга, и получилось, что их дети опять соединились.

Жизнь с мачехой

Д.С.: Елена Александровна, как вы себя помните? Ваши первые детские воспоминания: квартира в арбатском доме, двор. Что-нибудь расскажите.

Е.Л-Г.: Знаете, я себя помню в детстве достаточно живым, достаточно благополучным (в смысле условий) ребенком. Однако на мне очень сказало изменение в семье, потому что уход мамы больше всего, конечно же, отразился на детях. Уходя из жизни, мама просила отца, чтобы он женился на ее подруге, потому что она понимала, что общее заражение крови в 21-м году при отсутствии средств... Она достаточно трезвый была человек. Эту подругу отец хорошо знал. Идя навстречу желанию моей мамы, он женился спустя два года на женщине, которую звали Айсета. Она по происхождению осетинская княжна, очень красивая, умная, доктор, имела образование. Она стала нашей хозяйкой. Но матерью она нам с сестрой так и не стала. Она, во-первых, была очень национальным, преданным человеком своей родины, и у нее было много друзей, они постоянно приезжали. Это были странные для нас люди, шумно очень себя вели, говорили на непонятном для нас языке. Это были все ее родные, и получалось так, что мы с сестрой это наблюдали, но для нас это было непонятно, мы привыкли к совершенно другой жизни. И тетюшки наши отстранились от нас. А отец уехал на Алтай: у него как раз в то время была самая энергичная работа, он стал начальником крупного треста, и он был практически в отсутствии. Мы были брошены, попросту говоря предоставлены сами себе.

Я, например, помню такой эпизод. Я была тогда в детском саду (тогда были частные группы, я была в немецкой группе).



Я шла обратно и ударила голову об угол почтового ящика, разбила до крови, но домой не пошла: боялась гнева, потому что нас наказывали, ставили в угол.

Нашей большой провинностью было то, что мы съели с Таней, сестрой, варенье из банки. Я не пошла домой, я пошла к родителям своей подруги. Это чувство отсутствия домашнего уюта, оно во всем сказывалось. Айсета была достойным человеком, о ней нельзя говорить плохо, она просто была другая, совсем другая.

Д.С.: А как ее звали полностью?

Е.Л-Г.: Айсета Данииловна. И она нас решила свозить к себе на родину.

Д.С.: А вы ее как звали?

Выселение с Арбата

Е.Л-Г.: Мы ее звали «Муня». Она очень на это сердилась и говорила, чтобы мы должны ее называть по имени «Айсета». А нам это имя совершенно не нравилось. И это состояние в семье, оно, конечно, на нас отражалось: мы с сестрой стали плохо учиться, убегали. У нас была собака Радка, мы обожали эту собаку, и мы с ней убегали к храму Христа Спасителя. Никто нас особенно и не искал: мы были предоставлены самим себе. И это детство выработало во мне, я бы сказала, какую-то положительную сторону: характер. У меня стал такой характер, что я всему противостояла. Мне приходилось потом в жизни разговаривать с людьми, которые имели власть, но я их не уважала, поэтому могла с ними разговаривать не подобострастно, а глядя прямо в глаза. И когда нас выселяли с Арбата в 1985 году, когда МИД заинтересовался нашим домом (впоследствии он его и приобрел), нам предложили с семьей (с мужем и двумя детьми) однокомнатную квартиру где-то в пригородах (я тогда и не слышала даже об этих районах). Из хороших условий, пусть даже уже и коммунальной квартиры, но достаточно приличных (дом приличный, район приличный, и школа здесь, и работа, и все) выселяли невесть куда. Я могу показать эти бесконечные отказы: «Мы вам предлагаем, а вы все время отказываете! Вы не имеете никакого права рассчитывать на Арбат». А я ставила условие: «Я хочу жить на Арбате, хочу жить там, где я жила! Не делайте мне хуже! Вы мне делаете хуже. Почему? У меня заслуженный муж — участник войны, и я сама тоже достаточно...»

Наконец этот инструктор исполкома сказал, что нас выселят. Я говорю: «Как вам не стыдно! Вы не видите перед собой людей, вы решаете за них, где им жить и как им жить!» Встала и ушла. И это подействовало! Я до сих пор не могу понять, что это было. Может быть, присутствие здесь одного человека из райкома партии (я в то время была коммунистка), может быть, он услышал?

Д.С.: А кстати говоря, ваш папа был член партии? А его отношение?



Лена Вандербеллен. 1939

Е.Л-Г.: Нет, он никогда не был членом партии, а я никогда не была комсомолкой. Мне иногда говорят: «Как так, ты не была комсомолкой, а потом стала коммунисткой!» А я говорю: «Это целая история, это не просто так. Не просто так я не была комсомолкой, и не просто так я потом стала коммунисткой». Это все характер.

Д.С.: Расскажите, это тоже любопытно.

Е.Л-Г.: Никому это не интересно.

Д.С.: Почему? Это как раз-таки интересно.

Е.Л-Г.: Вот я вам рассказала про выселение. И еще у меня был аргумент. Я им сказала: «Как вам не стыдно! Почему вы говорите, что у вас нет освободившихся квартир на Арбате? У вас много свободных квартир на Арбате. Вы выселяли людей отсюда в 37-м — 1939-м только для того, чтобы освободились хорошие квартиры». Дело в том, что когда я училась в школе, у меня две хорошие подруги пострадали. Нужно было их выселить и все... Или еще лучше арестовать: тогда квартиры переходили в собственность государства. Я говорю: «Я знаю такие квартиры на Арбате» — «Да?» Я говорю: «Да! Дать вам адрес? Пожалуйста. Староконюшенный переулок, дом 25. Арбат 20, квартира 6». Он записал на бумажке. На следующий день звонок (уже секретарша): «Елена Александровна, мы вам выделили квартиру и ордер. Приезжайте за ордером — Арбат 20, квартира 6».

Д.С.: Ну, вы проявили характер.

Е.Л-Г.: И это не в первый раз в жизни. Я оказалась сиротой, и мне надо было пробиваться.

Довоенная Москва

Д.С.: Раз уж вы сказали, что убежали из дома, что были предоставлены себе, опишите, пожалуйста, Москву 20-х — 30-х годов: где, как вы играли, куда убежали? Одним словом, довоенную Москву.

Е.Л-Г. (*смеется*): Знаете, мне очень везло: у меня всегда были друзья, это мое счастье в жизни. Был такой Николай Вильнисон. Фамилия опять не русская, что же сделаешь? Он писал стихи:

По Арбатским переулкам тишина и мрак,
Раздается эхом гулким громкий лай собак.
Вот и кажется, сдается будто... (*Запинается*)
И прислушиваясь к лаю, что звенел опять,
Шли Павлуша с Николаем к дому тридцать пять.
Шли и крались, точно воры, в темноте ночной.
Перед ними очень скоро вырос дом большой.
«Здесь! — сказал Павлуша тихо. — Здесь она живет!
Не упустим этот миг мы, полночь щас пробьет!»
И свои переживанья излагал он вновь:
«Здесь живет мое страданье, здесь моя любовь!»
«Мы приперлись не без дела, — Николай сказал. —
Я Елену Вандербеллен утопить желал.
Я с натурой испанской пережить не мог,
Что какой-то Глеб Кошанский у ее был ног!»
И решили очень просто эти двое лиц:
Чтобы с Каменного моста сбросить злых девиц...

И это было мне 15 или 14 лет. Это были наши товарищи-ухажеры. Моя подруга до конца своей жизни (мы были с ней дружны) жила в доме напротив театра Вахтангова, это огромный, прекрасный дом, у него история очень интересная.

Д.С.: Дом с рыцарями, что ли?

Е.Л-Г.: Да. А вы знаете про рыцаря?

Д.С.: Конечно, я про все дома знаю.

Е.Л-Г.: Ой, как интересно! Ну, сейчас-то только два осталось. А главного украли.

Д.С.: А знаете, что еще в Москве есть дом с рыцарями, этого же архитектора?

Е.Л-Г.: Нет.

Д.С.: На Полянке. Даже рыцари похожи.

Е.Л-Г.: Нет, не знала. Я вообще многого не знала. Вдруг многое узнаю сейчас. У меня какое-то странное состояние: я все больше и больше узнаю интересных фактов. Сегодня вот вы первый человек, который заговорил о рыцарях. Я-то помню главного рыцаря. Сейчас там афиша, Дом актера загораживает. Вот где стоял самый главный...

И там жила моя подруга Ирина. Мы бегали все время гулять на Кремлевскую набережную, и Николай очень любил по парапету, который реку ограждает, бегать и делать вид, что он туда падает.

Д.С.: Но вы купались тогда в Москве-реке?

Е.Л-Г.: Да, мы, конечно, и купались.

Д.С.: А где купались?

Е.Л-Г.: В Парке культуры. Парк культуры был очень доступный. Он был бесплатный, там были байдарки. Моя сестра Таня очень любила туда ходить и меня туда с собой таскала. Однажды она увидела, что какой-то молодой человек обижает девушку. Она, конечно, не могла не вмешаться, встала на защиту, я тоже ей стала помогать. А этот молодой человек говорит: «Собственно, девочки, что вы ко мне привязались? Я вас не трогал». Таня сказала: «Вы обижаете девушку». Короче говоря, это был будущий муж Тани, потому что кончилось тем, что он посадил нас в свою байдарку, катал по Москве-реке, и мы страшно были рады и гордились.

” А какие были катки в Парке культуры! По аллеям все было залито льдом. Самое большое удовольствие было ходить на каток бесплатный. Напротив был каток, назывался «Амо», это там, где сейчас Третьяковская галерея.

Вот видите, я разговорилась.

Д.С.: Прекрасно!

Е.Л-Г.: Там тоже был бесплатный. И мы ходили на каток. Я увлекалась очень коньками. «Снегурки» у меня были, замечательные, палочками привязывались к валенкам.

Д.С.: А что за ребята жили в вашем арбатском доме угловом? Там же много интересных семей жило. Потом стали уплотнять их, но все-таки... Что за круг был? С кем вы общались?

Учеба в частной гимназии

Е.Л-Г.: Во-первых, поступила я в частную гимназию Шаховских в Кривоарбатском переулке. Это против Дома Мельникова, сейчас этот дом еще сохранился, четырехэтажный дом. Это была школа, ее спонсором, как теперь говорят, была госпожа Шаховская.

Д.С.: Но это до революции была спонсором, а после революции...

Е.Л-Г.: Нет, почему? Я же после революции родилась.

Д.С.: Но она же не называлась «гимназия Шаховских»?

Е.Л-Г.: Называлась, потому что была на ее деньги. Она приглашала таких педагогов, что мы их запомнили на всю жизнь. У нас были и танцы, и музыка...

Д.С.: Назовите, кто были ваши педагоги? Назовите...

Е.Л-Г.: Кто там учился?

Д.С.: И кто был педагогом.

Е.Л-Г.: Педагоги? Я помню только лица, я не запомнила фамилии и имена. Помню, по биологии была чудесная учительница. Я полюбила биологию с самых ранних лет. У меня отец любил очень садоводство, цветы, это сказалось. И кроме того, школа была очень хорошая. И в этой школе преподавали музыку и танцы. Я помню, что мы там танцевали, маленькие дети.

Д.С.: И вы все время проучились в этой школе или ушли куда-то?

Е.Л-Г.: Эту школу закрыли. Я там проучилась 8 лет, и ее закрыли. Я продолжила учиться в новостройке: сейчас это французская школа в Спасопесковском переулке. Это был первый набор, у меня осталась фотография с новым учителем, с педагогами. Я помню школьных педагогов уже в новостройке, а вот то, что было в Кривоарбатском... Я только помню там своих друзей: это был Зига Шмидт. У меня анекдот с ним произошел.

Д.С.: Расскажите.

Е.Л-Г. (*смеется*): Я связана очень тесно с цветаевским музеем...

Д.С.: А, вы говорили: вас стали знакомить...

Изменения на Арбате

Е.Л-Г.: Да. Значит, я уже вам это говорила. Иногда его вижу, он похудел страшно, но очень себя бережет. Я ему говорю: «Послушай, Зига, какое безобразие, что строят эти монстры на Арбате. Вообще, как они смели это сделать?! А мы что? Вообще никто? Управу нашу разогнать надо уже давно (я хотела сказать: „Так же, как Думу“, — но промолчала), потому что они разрешают строить таких монстров. Они же напротив знаменитых рыцарей построили это уродство. Библиотека там Лосева. Плачут они: заслонили им весь божий свет» (Был же сквер). Он говорит: «Я к политике не имею отношения, у меня хватает сил только делать публикации». Он все время издает-издает, у него уже многотомник. Вообще он мне разонравился, да он особенно никогда и не нравился. Просто было здорово, что у него была хорошая квартира (он был очень обеспечен) прямо напротив школы. В этом доме он живет до сих пор...

Д.С.: Я знаю, я там...

Е.Л-Г.: ...чем гордится. Он очень приятный, очень милый человек.

Д.С.: А почему разонравился?



Елена Вандербеллен с отцом. Звенигород, лето 1941

Е.Л-Г.: Разонравился? Потому что он не стал подписывать никаких протестных заявлений по поводу изменений на Арбате. Вот этот дом построили... Это же преступление! Это такое преступление, что дальше некуда. На кладбище! Здесь же был большой храм Николы, остался сад только потому, что госпиталь сохраняет эту землю, она принадлежит ему. Я тут лежала у них один раз, и все это очень хорошо знаю. А церковь разрушили.

Д.С.: Да. Никола Явленный.

Е.Л-Г.: Да. Но это все уже другая история. От меня это не должно идти, я к этому не имею никакого отношения.

Д.С.: Вот что интересно: Арбат ведь был стратегической трассой, «военно-грузинской дорогой», как ее называли. Вот это вы помните?

Е.Л-Г.: Очень хорошо помню.

Д.С.: Опишите, как это было?

Е.Л-Г.: А можно?

Д.С.: А почему нельзя?

Е.Л-Г.: Ну, я не знаю, вы это потом бог знает где опубликуете... Я буду думать...

Д.С.: А это что, секрет?

Е.Л-Г.: ...что я открыла такие секреты.

Д.С.: Ну что вы! Во-первых, это уже давно известно. Это известная история про Арбат: то, что тут Сталин ездил, что стояли топтуны у каждой дороги.

Е.Л-Г.: Ну конечно, это же Москва, дальше и Кремль — это прямая дорога. Это совсем другой мир. Кстати, вы имели книжку Португальной «Серебряный переулочек»?

Д.С.: Да, у меня есть.

Е.Л-Г.: Ну вот, она там все пишет. Кстати, упоминает и о наших домах. Ну, это уже совсем про другое. Что касается моих впечатлений, могу сказать: надо было мне быть как раз на Арбате, когда мчалась машина. Причем рядом со мной была женщина, у нее был бидон для молока, большой алюминиевый бидон. Как получилось, что я оказалась немножко в стороне, а она ближе к дороге, но у нее вышибли этот бидон, машина промчалась, а бидон...

Д.С.: А машина одна проезжала или несколько?

Е.Л-Г.: Нет, была одна, по-моему, машина по охране. Во всяком случае, две машины — это точно, может, три, но не больше. Никакого такого эскорта не помню.

Д.С.: Но при этом выстраивались милиционеры вдоль дорог?

Е.Л-Г.: Не помню. Я привыкла только к тому, что эти машины ездили по Арбату достаточно часто. Лично со мной произошел такой эпизод. Я вышла замуж за Кирилла Лубны-Герцык, петербургского. Он жил всегда в Питере, у него там была хорошая квартира, он был питерский, родители там жили. Когда мы поженились, он стал жить в Москве, но у него еще не было прописки (это не сразу можно было делать). Меня вызывают в суд сразу и говорят: «У вас в квартире живет непрописанный человек». Я говорю: «Какой человек?». Мне говорят: «А вот, как же, Лубны-Герцык Кирилл Константинович. Он не прописан на Арбате. Почему он у вас живет?» Я говорю: «Это мой муж! У меня есть свидетельство, мы поженились в 44-м году». (Это уже было значительно позже.) Они говорят: «Нет. Вы оштрафованы». Я говорю: «Ради бога. Я что, вам должна штраф заплатить?» Они говорят: «Да. И кроме того, вы должны его прописать». Я говорю: «Ну, хорошо, я пропишу, но не сразу. Я не знаю, как смогу с работой. И сколько штраф?». Этот суд был на углу, у Афанасьевского, точно помню. «Сколько нужно?» — «Три рубля». Я говорю: «Три рубля?!» Достāju из сумочки три рубля, кладу судье на стол, говорю: «Пожалуйста, вам три рубля и до свидания», — и ухожу. И мне ничего не было. То есть моя, как вам сказать, наглость, развязность, смелость — мачеха это мне оставила в наследство. Она нас на Кавказ возила, мы там видели все эти аулы, чуть не попали в водоворот в Тереке. Все это накладывалось на детство маленькой девчонки. И вот я такая была уже. Я, когда выросла, оказалась одинока: у меня нет родителей, отец умер, никого-никого, только муж, с ленинградским своим прошлым: отец у него был расстрелян.

И второй эпизод был, связанный со Сталиным. Значит, он в 55-м году умер?

Д.С.: В 53-м.

Идеологические расхождения с мужем

Е.Л-Г.: Утром жуткая сирена, рано, может быть, еще ночью, в два, в три часа. Жуткая сирена по Арбату. Кирилл вскакивает и говорит: «Все! Сталин умер...» Это была его реакция. Причем следующая реакция: как мы теперь будем жить?! Это было ужасно. Я сижу, скукожилась, говорю: «Вот и хорошо, что ты с ума сходишь?» Он говорит: «Ты что, не понимаешь?!» Я говорю: «Нет, я понимаю, но мне не нравился этот человек». Он говорит: «Елена, как ты можешь?!» Я говорю: «Я не знаю...» Вот такая реакция у меня была.

Похороны были. Боже мой! Институт наш собрали, у нас Папанин был директором. Папанин говорит: «Ребята, так ужасно, что произошло! Вы все оденьтесь как следует, нарядные, мы пойдем на похороны». А институт помещался в проезде Владимирова (это Лубянка, параллельно спуску). Мы должны были домой сначала пойти. Я, конечно, ушла и решила никуда не ходить. У меня Анечка на руках уже, дочка (она 46-го

года рождения). Я сижу дома... А Кирилла нет, он помчался на похороны. Ну, у него свое отношение, у меня — свое.

Д.С.: Интересное идеологическое расхождение, которое часто мне встречается, и известно оно. И в связи с этим я хочу вам такой вопрос задать: расскажите об отношении вашего отца к партии, к политике? Вы упомянули, что он не вступал в партию, что вы не были в комсомоле, а потом вы вступили в партию. Объясните эту метаморфозу и влияние отца, его мнение на этот счет расскажите.

Е.Л-Г.: Я не думаю, что это метаморфозы. Я думаю, что в каждом человеке генотип и глубокие родственные корни, что люди одного душевного склада соединяются вместе. Они являются очень близкими людьми, это не просто муж и жена. Как у меня было с дедом и его Стефанией из Пскова: у них был очень хороший брак до конца жизни, в Голландии умерли.

” Вот этот крепкий устой семьи я считаю одним из главных факторов рождения людей с большей уверенностью в себе, с достоинством, с сохранением собственного отношения к событиям, мыслям, и я думаю, что это, с одной стороны, удовлетворение самосознания, а с другой — это беда.

Как выражаются: тишина — это благодать для многих, а буйство — для единиц. Так же? Вся история на этом: народ безмолвствует, а кто решает? Решает деспот. Это же безумие! Но весь мир так. Историю Франции начнешь изучать, так вообще с ума сойдешь... У нас сейчас тоже... Сто лет люди сами себя убивали, русские убивали друг друга, как могли. Я с одним американцем встречалась, он сказал: «Я русский, но я железом выжег из своих детей даже понятие, что они имеют к России отношение». Лучший друг у меня, с которым я продолжала очень долго переписываться, Рубцов (планктонолог, по моей специальности), возил меня по Сан-Франциско. Я столько получила впечатлений. Он сказал: «Лучшие сокровища у нас, в Сан-Франциско, в Центральной галерее — это картина... *(Не может вспомнить художника.)* «Одевание невесты». Короче, они гордятся, что они русские, они стараются быть русскими. Люди веером рассыпались кто как: одна страна, другая страна...

И вот почему у нас в семье с Кириллом получилось так, что мы, будучи очень дружны (у нас прекрасные дети Анечка и Алеша, очень ребята хорошие), у нас семья была очень хорошая, но мы с ним не сходились во взглядах. Но у него свои счеты. Он очень плохо относился к своему отцу в детстве, потому что тот их бросил. Мать его воспитывала вместе с отчимом, с которым он дрался. И в результате детства он не помнил. Не окончив десяти классов, вырвался по призыву комсомола в школу летчиков в Оренбург. И вот он приезжал в отпуск из Оренбурга в Москву (у меня есть фотографии) такой гордый, уже какой-то значок себе нацепил, в форме. Он мечтал попасть в летную школу, его приняли в 36-м году. Он проучился 36-й — 37-й. В 37-м арестовывают его отца, его тут же выгоняют из комсомола и из училища. А он отца-то ненавидел, поэтому у него обида была такая, накопившаяся. Мало того, что у него не было детства, он еще и тут получил... Но, видимо, кто-то ему помог: во всяком случае, ему удалось перейти в летное училище на Урале, связистов. Он остался в авиации, но уже в направлении связи. И потом всю войну воевал под Мурманском (Ваенга), и от рядового связиста он стал начальником связи. Демобилизовали его только в 48-м году.

Д.С.: А когда вы поженились?

Е.Л-Г.: В 44-м. Я поехала к нему в Мурманск, в 46-м родилась дочка. Я окончила университет, и меня оставили там работать. У меня был очень хороший начальник: меня отправили в командировку в Мурманск. А в Мурманске Ваенга рядом, аэродром. Как же мне туда не съездить?! Тут шлагбаум какой-то, я проголосовала, влезла в грузовик. Летчики меня повезли на аэродром. Я сказала, что еду к мужу, шлагбаум открыли, проехали. И вдруг по спикеру на весь аэродром: «На аэродроме посторонний человек!» Подбегает Кирилл, говорит: «Как ты могла?!» А я говорю: «Да ладно, что тут такого?» Вот такой

у меня характер. И он был счастлив в конце концов. Я у него в землянке просидела там. Помню, сунула кипятильник в суп, а там соль! Весь этот суп — пых на меня.

Но очень хорошие о нем пишут вещи. Первая статья была такая: «Внук помещика бьет фашистов». В общем, такая мешанина, что я вам не завидую — тому, что вы со мною встретились.

Отношение к политике. Вступление в партию

Д.С.: А почему вы не вступали в комсомол и как вы вступили в партию?

Е.Л-Г.: У меня отец занимался только делом, мои тетушки были музыканты. В доме никогда не говорил ни о какой политике, ни о царях... В доме не было монархистов. Обстановка в семье не располагала к политическим размышлениям, все сводилось к образу жизни. Не было людей, которые бы приходили в дом и об этом говорили. С одной стороны, отец, который много отсутствует и у него интересы только на службе, с другой — осетинка, которая десять лет с нами была, со своим национальным кланом. Они тоже никакого отношения к политике не имели. Видимо, так получилось. И я не была никогда политиканом. В университете меня все время агитировали: «Почему ты в комсомол не вступаешь?» А я говорю: «Я не могу вам объяснить. Я не совсем понимаю, что во мне от этого изменится, если я поступлю в комсомол». Я ходила на демонстрацию с радостью, участвовала в параде. У меня как-то брали интервью (тут интересовались мною от управы), спрашивали: «Вы Сталина видели?» Я говорю: «Да, видела». — «Как?! Вы видели Сталина?» — «Ну, видела. И что?» Они очень удивились. А дело в том, что парад был физкультурный, а я физкультурница была. У меня была только одна конкурентка в университете: девочка с мехмата, она быстрее меня бегала. Нас мобилизовали, одели, у нас были красивые беретки, белые кофточки с голубой каемочкой, тапочки первые резиновые, белые с голубой каемочкой. Одели на парад, и мы выкладывали фигуру. Я не помню, какую. В общем, мы должны были по команде на четвереньки, потом выпрямляться... Ну, физкультурный парад, юношеский. Было много тренировок на каком-то стадионе. Все это мне очень нравилось, но комсомол... Мне не понятно было, зачем мне комсомол, что я буду там делать. Они какие-то собрания устраивали. Проскочила.

Д.С.: И ничего, не прижимали вас за это?

Е.Л-Г.: Нет, не прижимали. В академию я попала, в институт, только потому, что ко мне хорошо относились.

Д.С.: А в партию вы когда вступили?

Е.Л-Г.: У меня конфликт случился. У нас старпом был мерзавец, а я тогда была уже начальником отряда. Это было в 68-м году, рейс был в Америку. Он был татарин, кстати сказать, красивый, молодой, приставал к девушкам. А у меня в составе отряда была лаборантка из Владивостока. Экспедиция была московская, но не хватало людей, и нас пополняли из Владивостока. Она мне пожаловалась, говорит: «Он все время за мной ухаживает и хватает за ноги». Я, когда с ним встретилась, говорю: «Скажите, почему вы задеваете мою Люду? У вас что, нет судовых женщин? Я не разрешаю вам обижать мою сотрудницу, не разрешаю». Он промолчал. Потом еще была стычка. Мы на островах кораллы [собирали]. Я, конечно, ныряла с трубкой, но особенно ломать не могла, все-таки это дело не такое простое: нужен ломик, нужно выбрать кораллы, нужно подойти с соответствующей [стороны] да еще посмотреть, нет ли там змеи или акулы, не дай бог. Короче, мне наломали, там всегда есть хорошие люди. В общем, у меня был большой коралл. Хорошо, но его же надо... Что с кораллами делают, вы не знаете? Их раскладывают на солнце.

Д.С.: Сушат.



К.К. Лубны-Герцык

Е.Л-Г.: Палуба вся заставлена кораллами. Потом их моют шлангом, сильной струей воды (там же животные, это живой продукт — коралл, если он под водой. Если вылезает наверх — он мертвый), выбивают оттуда животных. И после этого опять коралл лежит на солнце. Он должен высохнуть, животные должны погибнуть, если там что-то осталось, а вода очищает от всего остального, от водорослей и прочего. И вот... Там матрос ходит, я говорю: «Слушай, тут, на краю, лежал мой большой коралл. Что-то я его не вижу». У нас было не принято воровство на корабле. Доверие, все каюты открыты — жара, кондиционеров не было, мы все ночевали часто на палубе и так далее. Тут все всё видят, всё знают. Матрос говорит: «А! Это помполит подошел, говорит: „А! Хороший коралл! Ты мне его разбей, а то он очень большой, и принесешь в каюту“». Я говорю: «Он так тебе сказал?» Он говорит: «Да». Я пошла к этому помполиту, а он говорит: «А вы, вообще, Елена Александровна, зазнались!» Я говорю: «Я не зазналась, я принадлежу к другому кругу людей, понимаешь? Мы наукой занимаемся, а не тем, чтобы был порядок на корабле. Это ваше дело. А вы устраиваете беспорядок. Если вы мне сделаете замечание по науке, я прислушаюсь. Но вы себя ведете так, что я от этого испытываю неудобство». Конфликт!

Заходим мы в Сан-Франциско. А там народу было! Ко мне какая-то дама подошла: «Ой, я так рада, что вы русские! Ля-ля-ля-тополя... Вы можете передать в Москву письмо?» Я говорю: «Боже сохрани! Нам запрещено передавать что-нибудь. У вас есть почта, можете опустить в ящик». Мне некогда было общаться с этой дамой, я водила экскурсию по кораблю, а она осталась в открытой лаборатории. Короче, уже трап сняли, уже все кончилось. Меня вызывают в кают-компанию: «Что же это, Елена Александровна? Ведь вы знаете, что ничего передавать нельзя, а у вас в ящике стола письмо». Значит, за нами [следили]...

Мы прекрасно знали, что есть такая служба. Я говорю: «Я сказала то, что должна была сказать: что не возьму. Я не брала это письмо. Его подсунули. А вы должны мне доверять. Я не могла порядок нарушить». Ну, перемигнулись они, помполит этот и... Вот тут я озверела. Думаю: как много людей оказывается в таких вот обстоятельствах!

” Кроме помполита, у нас на корабле был еще соответствующий человек. Он занимал каюту, на которой было написано: «Бухгалтер», приличный очень, из Владивостока. У него была своя работа.

Он очень красиво рисовал мост, когда мы проходили под мостом — это the Golden Gate Bridge*, замечательный мост, русскими, кстати, построенный... Он так наблюдал за всем — ну, это его работа. Извините, но он важнее нашего помполита — это другая власть. Я ему стучу, захожу и говорю: «Простите меня, пожалуйста, я обращаюсь к вам с жалобой на помполита. Он ведет себя по отношению ко мне очень агрессивно. Я стала остерегаться. Я знаю, что он закрывал визу моему товарищу, и я знаю, за что, и поэтому я хочу себя предостеречь, потому что у меня впереди еще много работы». — «Так в чем же дело?» Я говорю: «Вот в том-то и в том-то...» Он мне говорит: «Елена Александровна, я наблюдаю за многими, и за вами, в частности, и я вам обещаю, что в донесении вы не будете...» У них же на каждого потом идет донесение. Что было — то было. Легко сказать: выпустили нас за границу, не у многих имелись тогда такие возможности. «Я вам гарантирую: в донесении вы не будете...» Я говорю: «Спасибо». Он говорит: «Но я вам советую: вступите в партию! Почему вы оказались такой беззащитной?» Я говорю: «Я подумаю». Вот как получилось, что я очень поздно вступила в партию, чтобы не лишиться визы, чтобы иметь возможность в дальнейшем работать, плавать. Потому что иначе — иначе надо было уходить из института. Что делать в Институте океанологии, если я не могу плавать? Есть у нас такие, были, им было очень грустно.

* Висячий мост через пролив Золотые Ворота.

Д.С.: Понятно.

Е.Л-Г.: А я уже распушилась, у меня уже перспективы... Понимаете? Вот так.

Д.С.: Ясно.

Е.Л-Г.: Но как только пришел Ельцин к власти, я вышла из партии.

Д.С.: Мне бы хотелось вернуться немножко...

Е.Л-Г.: Что же вы будете делать теперь с моими воспоминаниями?

Д.С.: Я вам рассказал в прошлый раз и еще расскажу. Кроме того, что мы собираем воспоминания для коллекции Московского университета, для Научной библиотеки, там они хранятся (постоянное архивное хранение), мы еще делаем большой интернет-проект. Это называется общедоступный сетевой архив, там по трем направлениям публикуем сейчас материалы, делаем подборки по истории науки, по искусству и по социально-политическим наукам. Вот этим я живу, этим и занимаюсь. Так что вы тоже участвуете в большом деле.

Е.Л-Г.: А можно я скажу про университет тогда побольше?

Д.С.: Давайте потом. Я в следующий раз когда спрошу про вашу научную деятельность... Вы, кстати, в прошлый раз рассказывали про университет, и неплохо.

Е.Л-Г.: Я про Багрова говорила, про руководителя?..

Д.С.: Да. И не только.

Е.Л-Г.: ...который Сабина тогда спас.

Д.С.: Про Сабинина, да, и...

Е.Л-Г.: А вы знали про это?

Д.С.: Да. И про Сабинина, и про Абрикосова — про многих вы говорили. Я хочу вас спросить про Москву довоенную, это очень интересно мне.

Воспоминания о детстве и старом храме Христа Спасителя

Е.Л-Г.: Я начала с того, что вспомнила, как бидон подброшенный катался, да? Потом я вспомнила про школу, где училась, вспомнила двор Окуджавы, потому что это проходной двор был.

Д.С.: Да, из Арбата туда...

Е.Л-Г.: Это все самые хорошие мои воспоминания. Я считала себя дворовой девчонкой. Как только из школы приходила, сразу бежала во двор: салочки, прыгалки — это все наше было. Казаки-разбойники... Кто сейчас играет? По-моему, никто.

Д.С.: Не знаю, мы играли в казаки-разбойники. Я думаю, и сейчас играют.

Е.Л-Г.: Так что у меня очень яркие воспоминания. Я очень хорошо помню рыбный магазин напротив нас. Ой, какая там была вобла! Замечательная! Потом я помню, там, где сейчас Макдоналдс, была пекарня во дворе, и они для мороженого вырезали кружки, а обрезки бесплатно давали нам. Мы хватали эти обрезки, ели, бросали, конечно. Кстати, босяком очень много ходили.

Д.С.: Да?

Е.Л-Г.: Очень много. По булыжной мостовой, по Арбату.

Д.С.: Ничего себе!

Е.Л-Г.: А мы... за нами мало следили.



Я помню, моя мачеха была настолько строга, что стригла нас наголо.

Д.С. (*смеется*): Ну, это уже как-то...

Е.Л-Г.: Она боялась вшей, которые, кстати сказать, были распространены в те времена. Надо было за нами ухаживать, а она на это время не теряла, и поэтому мы были стрижены наголо, в очень скромных одеяниях и часто босяком. Такая достаточная жестокость... Отец не мог ей противостоять...

Д.С.: А помните ли вы сносы: Николы Явленного, Христа Спасителя, просто домов? Как разбирали деревянные дома? Расскажите об этом.

Е.Л-Г.: Этого я забыть не могу. Мы очень любили площадку вокруг храма Христа Спасителя. Я его не люблю сейчас, я туда не захожу. Это не храм, это бог знает что. Я помню храм, который был памятником войны 1812 года. Мне об этом говорил отец, он историю любил, с большим уважением относился к победам, к Суворову (у него всегда были портреты Суворова), он очень уважал Суворова, и говорил мне, как важно ценить время, что это, мол, Суворов так сказал: можно не ценить иногда жертвы, идти на риск, но нужно знать время — когда и где, и сколько надо на это времени. Вот это мне внушил отец, и я очень это помню. Я сейчас стала беречь время. Я мало себя отвлекаю какими-то покупками, прогулками, питанием, почти не готовлю — ценю время.

И вот эта площадка... Во-первых, храм. Вокруг него было четыре лестницы на все четыре стороны. Он стоял на земле, храм. Сейчас он бог знает на чем стоит — тогда он стоял на земле. Были четыре лестницы белых, на них всегда сидели нянечки или родители с детьми: их там было много, и они

все дружили, все друг друга знали. Кроме того, там были кусты очень красивые, зелень. Этот храм стоял на земле. И потом он звонил. Я помню, как он звонил. И когда нам было скучно, мы с сестрой и Ральфом, собакой (никто, кстати, собак тогда не гонял, у всех почти были собаки), бегали туда, в храм Христа Спасителя, потому что нам там нравилось, там было очень хорошо. Гоголевский бульвар — тоже кусочек зелени, и там опять садик...



Когда стали его ломать, об этом сразу все узнали, и мы тоже туда пошли. Это было ужасно! Вокруг, со всех улиц, люди стояли на коленях и плакали.

Вот эти... что сейчас? Кропоткинская, Остоженка — эти все улицы, я помню, все стояли на коленях и плакали от огромного количества ударов, шума. Невозможно было это все выдерживать, но начало, когда стали снимать колокола, когда стало известно, что будут ломать, тогда люди собирались... Вот это впечатление у меня осталось ярким. После того как мы там, на этих ступенях белых играли, бегали — вдруг, пожалуйста, разрушают. Потом этот безумно глупый бассейн копали. Нельзя было там копать, уже и храм опускался, это нужно было изучать, река рядом! Надо было к этому бережно отнестись. Наоборот, вырыли огромный котлован. Потом это нужно было все опять закапывать. Вот сейчас опять что-то делают... Почему? Не понимают люди. Вы мне ответьте, молодой человек.

Д.С.: Скудоумие.

Е.Л-Г.: Что, у нас самое большое несчастье в недостатке благородных профессионалов, честных людей? Наверное, это наша самая большая беда.

Д.С.: Это беда. И у нас... Последние, по крайней мере, советские годы, у нас же была абсолютная отрицательная селекция. У нас так много было вырезано, убито и унижено...

Е.Л-Г.: Да что же вы говорите!

Д.С.: В каждой семье униженная история, каждого тыкали носом в грязь, а...

Е.Л-Г.: Даже кулачество. Мне вот крестьян тоже жалко.

Д.С.: Конечно! А пробивались наверх, во власть, люди, ничего собой не представляющие, глупые, но карьерные, пробивные. Что они могут сделать? Хорошего они сделать не могут. И сейчас то же самое.

Е.Л-Г.: Да. То есть как это?

Д.С.: Нет традиции.

Е.Л-Г.: Ну, так что же делать-то? Селекция еще хуже.

Д.С.: Будем надеяться на обратный процесс.

Е.Л-Г.: Это еще сто лет?

Д.С.: Да, наверное.